

ВТОРАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «SOFT POWER: ТЕОРИЯ, РЕСУРСЫ, ДИСКУРС» (Россия, Екатеринбург, 20 октября 2017 г.)

Доклады

УДК 327+008 (510)

КИТАЙСКАЯ МОДЕЛЬ МЯГКОЙ СИЛЫ: СОВРЕМЕННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

Кучинская Татьяна Николаевна,

Забайкальский государственный университет,
доктор философских наук, доцент,
Чита, Россия,
E-mail: kuchinskaya_t@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается китайская модель «мягкой силы» и ее трансформации в современных условиях. Автор выявляет культурно-ценностные ресурсы, принципы построения «мягкой силы» КНР и механизмы ее реализации. Внутренние и внешние практики китайской «мягкой силы» выступают частью культурной стратегии КНР. Автор прогнозирует дальнейшее наращивание Китаем «мягкой силы» и расширение ареала культурно-цивилизационного влияния, требующего учета в современных российско-китайских отношениях.

Ключевые понятия:

мягкая сила, национальная модель, Китай, практики мягкой силы.

Теоретический конструкт «soft power», разрабатываемый с конца 80-х гг. прошлого столетия Дж. Найем-мл., обрел плодотворную почву в современном научном дискурсе и политических практиках государств

мира, генерируя порой специфические формы и инструменты, образующие национальные модели.

Необходимо отметить, что выделенные нами базовые компоненты «мягкой силы» (культура, политические ценности и идеалы, внешняя политика) [11, с. 11.] спустя четверть века значительно трансформировались и расширились. Смещение акцентов в современном дискурсе «soft power» в сторону культуры, культурных ценностей и норм, по мнению профессора Лондонской Школы экономики В.А. Коллахэна, означает «культурный разворот» (cultural turn) в международных отношениях в целом [10, с. 217]. Научный анализ «soft power» как особого рода управленческой политики переходит в плоскость дискурсивного, структурного и измерительно-инструментального подходов [12]. «Soft power» как культурная стратегия и инструмент межкультурной коммуникации становится предметом антропологических, культурфилософских и культурологических исследований.

Особый интерес в этом плане представляет опыт современного Китая. Китайский научный дискурс «мягкой силы», бытующий в междисциплинарном поле теории культуры и теории силы, породил гибридизированное понятие – «мягкая сила культуры» (中国文化软实力). Исследование данного феномена в КНР выделилось в отдельное научное направление, получившее институциональное оформление в виде «мозговых центров» мягкой силы [7, с. 22]. В целом, культура выступает «фундаментом» китайской модели мягкой силы, определяя её культуроцентричность.

Базовыми ресурсами культурной «мягкой силы» Китая являются традиционная китайская культура как «ядро» «мягкой силы»; демонстрация экономических и политических успехов страны; культурные инновации как механизм актуализации, популяризации и наращивания культурной мощи. Процесс ценностно-идеологического наполнения содержания «мягкой силы» Китая соответствует принципу триединства составляющих: сохранение китайской специфики, содействие культурным инновациям и улучшение качества культурной продукции [9].

Традиционная культура как источник «мягкой силы» культуры Китая обладает значительным потенциалом. Традиции политического наследия, жизненность которых онтологизируется как компонент традиционной политической культуры [4, с. 115] обогащает представление о «мягкой силе» властных отношений и «мягких» методах управления, связанное с учениями древнейших китайских философов Лао-цзы, Конфуция, Мэн Кэ, Сунь-цзы.

Культурные инновации как источник «мягкой силы» призваны укреплять её мощь, превращая Китай «из обладающего культурными ресурсами в глобальную культурную державу» [2]. Особая роль в этом процессе отводится процессу инновирования и укрепления китайских культурных ценностей.

Инновационное строительство системы «китайских ценностей» сводится к «реанимированию» традиционных ценностей, укреплению ценностей социализма, генерированию «всеобщих» ценностей. Базовые ценности являются духовным ядром «мягкой силы», всеобщие ценности – основой,

образуя единую систему ценностей «мягкой силы» китайской культуры, включающую традиционные ценности китайской культуры (гармония, долг, доверие, дружелюбие и др.), ценности социализма (справедливость, равенство, свобода), заимствованные и китаизированные ценностные элементы инокультур (демократия, законность, благосостояние и др.). Синтез данных ценностей является для китайской культуры инновационной формой, позволяющей Китаю транслировать свою «мягкую силу» внутри и вовне [6].

Принципы укрепления культурной «мягкой силы» КНР сводятся к нацеленности на сбалансированное развитие: 1) системы базовых ценностей китайской культуры и культурного разнообразия; 2) социального и экономического эффекта культурных инноваций; 3) национального культурного производства и межкультурной коммуникации; 4) культурного строительства и социокультурной модернизации страны; 5) традиций и открытости.

Концепция «мягкой силы» обрела плодотворную почву в партийной идеологии КПК, гармонично встраиваясь в социокультурную реальность современного Китая посредством политических практик.

Коренные отличия китайской модели «мягкой силы» заложены в её двухвекторной направленности: на гармонизацию внутри китайского социума и вовне. Использование «мягкой силы» как инструмента внутренней политики КНР рядом западных ученых и аналитиков оценивается как негативный опыт, практикующийся в ряде авторитарных государств [10; 13]. Так, в рамках общей концепции повышения «мягкой силы» китайской культуры отмечается необходимость улучшения духовного состояния общества, повышение гражданской ответственности, воспитание в духе общественной, профессиональной и семейной этики, повышение моральных требований, предъявляемых к личности, развитие высокой традиционной нравственности китайской нации и культивирование новых нравов и морально-этических принципов, соответствующих эпохе. На практике реализация этих задач предполагается на основе расширения массовых мероприятий по развитию духовной культуры, волонтерского сервиса [5].

Диверсифицированная система практик мягкой силы культуры Китая включает общепринятые и специфические культурные механизмы. Среди наиболее эффективных и активно используемых в КНР площадок мягкой силы культуры внутри страны выделяют радио-, телевизионную и интернет-индустрии, новостные информационные сайты. Неотъемлемой частью культурного строительства КНР является развитие брендов культурных индустрий как механизма укрепления силы китайской культуры. Специфичные культурные практики КНР включают: «возрождение традиционных китайских академий Шуюань, создание сети мозговых центров нового типа с китайской спецификой», «культурных экозащитных зон (КЭЗ)», формирование и продвижение культурных брендов внутренних регионов КНР в рамках реализации стратегии «мягкой силы региональной культуры» [3; 8] и т. п.

По мнению китайских исследователей, инструментальный набор китайской «мягкой силы» включает ряд политико-идеологических и социокультурных ресурсов – мягкую политическую власть, культурную власть,

дипломатическую силу, культурную, экономическую, экологическую и т. д.; идентификационную мощь идеологии и ценностных ориентаций, притягательную силу социокультурной организации и модели развития, творческую силу нации [1, с. 135–136].

Специфика китайской «мягкой силы» во внешних социокультурных практиках её продвижения проявляется в механизмах прямого культурного воздействия и опосредованных внешнеполитических механизмах.

Агентами-проводниками прямого культурного воздействия выступают: 1) институты и классы Конфуция – глобальный культурно-образовательный проект при политической, кадровой и финансовой поддержке правительства КНР (Ханьбань), направленный на популяризацию китайского языка и культуры. К концу 2015 г. проект насчитывал 500 Институтов и 1000 классов Конфуция со штаб-квартирами в 135 странах и регионах мира; 2) образовательные программы и международные обмены, нацеленные на привлечения иностранных студентов, численность которых планируется увеличить к 2020 г. до 500 тыс. чел.; 3) туристические бренды, выступающие важным механизмом распространения информации о китайской культуре, историческом и культурном наследии; 4) массовые общественно-культурные мероприятия (форумы, конференции, выставки и т. д.); наиболее масштабные культурные проекты последних лет – Всемирная выставка ЭКСПО 2010 в Шанхае, Олимпиада-2008 в Пекине, Универсиада-2009 в Харбине, Годы культуры (2007–2008), языка (2009–2010), туризма (2012–2013) в России и Китае); 5) культурные индустрии в плане содействия их выходу на мировые рынки и создания узнаваемых китайских брендов; особое значение придается киноиндустрии, медиапроизводству, издательской продукции, развитию Интернета, новостных и информационных агентств; 6) транснациональные сети зарубежных китайцев, как «продолжение» Китая, способствуют активному распространению китайской культуры в мире, «укреплению дружеских связей с другими народами мира, вносят значительный вклад в дело мира и развития во всем мире».

Опосредованные (экономические, социальные, политические) социокультурные механизмы китайской «мягкой силы» реализуются через ценностные установки внешней стратегии КНР построения «гармоничного мира» и нового китайского «гармоничного регионализма». «Мягкая сила» «гармоничного регионализма» проявляется в расширении представительства Китая в международных и региональных интеграционных объединениях и увеличении «государств-сателлитов», поддерживающих «Пекинский консенсус» в различных регионах мира. Наибольшего успеха в реализации «мягкой силы» Китай добился в ряде стран африканского, латиноамериканского, юго-восточного, центрально-азиатского регионов, определяя контуры расширения своего социокультурного пространства.

Дальнейшее наращивание мощи «мягкой силы» Китаем и расширение ареала культурно-цивилизационного влияния, по мнению экспертов, могут быть лимитированы лишь рядом факторов: непопулярность «китайской модели», авторитарного «Пекинского консенсуса», традиционно иерархич-

ного и эголитаристского видения китайского мирового порядка на Западе, обеспокоенность наращиванием «жесткой силы» Китая в мире.

Анализ ценностного наполнения и социокультурных практик реализации «мягкой силы» позволяет сделать вывод о том, что Китай обладает достаточным ценностным потенциалом для дальнейшего наращивания своего «культурного присутствия», в т.ч. и в России, что обуславливает необходимость усиления культурной стратегии РФ с целью выстраивания гармоничного взаимодействия двух стран.

1. Абрамов В.А. Глобализирующийся Китай: грани социокультурного измерения. М.: Восточная книга, 2010. 240 с.

2. Абрамов В.А., Абрамова Н.А. Ценностный потенциал китайского «могущественного культурного государства» в проекциях глобального развития. М.: Восточная книга, 2014. 256 с.

3. Абрамова Н.А. Культурные индустрии в социокультурных практиках современного Китая (на примере провинций Хэнань и Сычуань) // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. 2011. № 10. С. 95–100.

4. Абрамова Н.А. Политическая культура Китая. Традиции и современность. М.: Муравей, 2001. 320 с.

5. Доклад Ху Цзиньтао на XVIII съезде Коммунистической партии Китая // Китай: перспективы и реалии. 2012. № 1. С. 10–27.

6. Кучинская Т.Н. Архитектоника социокультурного пространства Китая в условиях транснационального межкультурного взаимодействия РФ и КНР: автореф. дис. ... доктора философских наук: 09.00.13 / Забайкальский государственный университет. Чита, 2013. 43 с.

7. Тарабарко К.А., Кучинская Т.Н. Культурные практики реализации «мягкой силы» Китая // Общество: философия, история, культура. 2017. № 1. С. 22–24.

8. Тарабарко К.А., Кучинская Т.Н. Мягкая сила региональной культуры: осмысление опыта современного Китая // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы VII Междунар. науч.-практич. конференции (Благовещенск-Хэйхэ, 22–23 мая 2017 г.) / Отв. ред. Д.В. Буяров. Благовещенск: БГПУ, 2017. С. 356–360.

9. Шэнь Чжуанхай. Вэньхуа жуаньшили хуаюй цзяньгоу: сяньши юй фанши = Мягкая сила культуры в китайском дискурсе: китайская реальность и китайский путь // Доклад китайских культурных инноваций. Пекин, 2010. № 1. С. 49–64.

10. Callahan W.A. Identity and Security in China: the Negative Soft Power of the China Dream // POLITICS. 2015. Vol. 35 (3–4), p. 216–229.

11. Nye J.S. Soft Power: the Means to Success in World Politics / J.S. Nye – NY: Public Affairs Group, 2004. 397 p.

12. Soft Power: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О.Ф. Русаковой. – Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2015. 376 с.

13. Wilson Jeanne L. Russia and China Respond to Soft Power:

Interpretation and Readaptation of a Western Construct // Politics. 2015. Vol. 35, Special Issue 3–4. P. 287–300.

References

1. Abramov V.A. Globaliziruyushhijsya Kitaj: grani sociokul'turnogo izmereniya. M.: Vostochnaya kniga, 2010. 240 s.
2. Abramov V.A., Abramova N.A. Cennostnyj potencial kitajskogo «mogushhestvennogo kul'turnogo gosudarstva» v proekciyax global'nogo razvitiya. M.: Vostochnaya kniga, 2014. 256 s.
3. Abramova N.A. Kul'turnye industrii v sociokul'turnyx praktikax sovremennogo Kitaya (na primere provincij Xe'nan' i Sychuan') // Rossiya i Kitaj: problemy strategicheskogo vzaimodejstviya: sbornik Vostochnogo centra. 2011. № 10. S. 95–100.
4. Abramova N.A. Politicheskaya kul'tura Kitaya. Tradicii i sovremennost'. M.: Muravej, 2001. 320 s.
5. Doklad Xu Czin'tao na XVIII s"ezde Kommunisticheskoy partii Kitaya // Kitaj: perspektivy i realii. 2012. № 1. S. 10–27.
6. Kuchinskaya T.N. Arhitektonika sociokul'turnogo prostranstva Kitaya v usloviyax transnacional'nogo mezhkul'turnogo vzaimodejstviya RF i KNR: avtoref. dis. ... doktora filosofskix nauk: 09.00.13 / Zabajkal'skij gosudarstvennyj universitet. Chita, 2013. 43 s.
7. Tarabarko K.A., Kuchinskaya T.N. Kul'turnye praktiki realizacii «myagkoj sily» Kitaya // Obshhestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. 2017. № 1. S. 22–24.
8. Tarabarko K.A., Kuchinskaya T.N. Myagkaya sila regional'noj kul'tury: osmyslenie opyta sovremennogo Kitaya // Rossiya i Kitaj: istoriya i perspektivy sotrudnichestva: materialy VII Mezhdunar. nauch.-praktich. konferencii (Blagoveshensk-Xe'jxe', 22–23 maya 2017 g.) / Otv. red. D.V. Buyarov. Blagoveshensk: BGPU, 2017. S. 356–360.
9. She'n' Chzhuanxaj. Ve'n'xua zhuan'shili xuayuj czyan'gou: syan'shi yuj fanshi = Myagkaya sila kul'tury v kitajskom diskurse: kitajskaya real'nost' i kitajskij put' // Doklad kitajskix kul'turnyx innovacij. Pekin, 2010. № 1. S. 49–64.
10. Callahan W.A. Identity and Security in China: the Negative Soft Power of the China Dream // POLITICS. 2015. Vol. 35 (3–4), p. 216–229.
11. Nye J.S. Soft Power: the Means to Success in World Politics / J.S. Nye – NY: Public Affairs Group, 2004. 397 p.
12. Soft Power: teoriya, resursy, diskurs / pod red. O.F. Rusakovoj. – Ekaterinburg: Izdatel'skij Dom «Diskurs-Pi», 2015. 376 s.
13. Wilson Jeanne L. Russia and China Respond to Soft Power: Interpretation and Readaptation of a Western Construct // Politics. 2015. Vol. 35, Special Issue 3–4. P. 287–300.

UDC 327+008 (510)

CHINESE MODEL OF SOFT POWER: MODERN TRANSFORMATIONS

Kuchinskaya Tatiana Nikolaevna,

Transbaikal State University,
Doctor of Philosophy, Associate Professor,
Chita, Russia,
E-mail: kuchinskaya_t@mail.ru

Annotation

The article examines the Chinese model of “soft power” and its transformation in modern conditions. the author reveals cultural recourses of the PRC’s “soft power” construction and mechanisms of its implementation. Internal and external practices of the Chinese “soft power” are a part of the PRC’s cultural strategy. the author predicts further expansion of China’s “soft power” and the space of its cultural-civilizational influence that should be considered in the development of modern Russian-Chinese relations.

Key concepts:

soft power, national model, China, practices of soft power.